

КАТЕГОРИЯ ОСТРАНЕНИЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Валькова Ю.Е.

Научный руководитель канд. филол. наук, доц. Разумовская В.А.

Сибирский федеральный университет

В данном докладе будет предпринята попытка расширить парадигму остранения, приёма, который был введен В.Б. Шкловским в статье «Искусство как приём», и который до сих пор не описан в полной мере. М.М. Бахтин, Ж. Деррида, Л. Ветути, М.Н. Эпштейн и многие другие зарубежные ученые изучают этот приём в литературоведческом аспекте, русские ученые, занимающиеся исследованием передачи остранения в переводных текстах, уходят в область сопоставительной лингвистики, мы же предлагаем рассматривать остранение и как нео-катеорию в теории перевода. Интересно посмотреть, как реализуется остранение в текстах автобиографического жанра, как функционирует остранение в качестве приёма перевода и как возможно сохранить авторские остранения.

В теории перевода остранение изучается сравнительно недавно, и если говорить о трудах отечественных ученых, то в них анализируются приёмы передачи остранения при переводе русской классики на английский и немецкий языки. Мы, напротив, посмотрим, как передаётся остранение в переводе на русский язык (с иврита) разных вариаций автобиографических текстов.

Понимая вслед за Дм. М. Бузаджи остранение как обобщённую семантическую модель, которая помогла бы подвести под все случаи остранения единое семантическое основание, мы идем дальше к проблеме психологического отчуждения автора от своего материала. Естественно, что автор художественного произведения, ведя речь от первого лица при написании своей псевдоавтобиографии, отстраняется не только от образа рассказчика, но и, возможно, от своего уже сложившегося воспоминания о событиях своей жизни, таким образом, не только заново воспринимая действительность, но и переписывая свою летопись, вымарывая нежелательные для воздействия на читателя эмоциональные комплексы. Подход к остранению должен быть комплексным с учётом не только стилистического воздействия определённого типа языковых явлений, реализуемых на всех уровнях языка, но и в идеолого-прагматическом аспекте.

Если мы рассматриваем роман-квазиавтобиографию как объект перевода целиком, какие функции остранения необходимо сохранить переводчику? Объединим в категорию «книг-автобиографий» мемуары, книги-квазиавтобиографии, написанные автором не документально, а с некоторой ретушью, и книги, где речь идет от первого лица, их можно воспринимать как псевдоавтобиографии.

В автобиографических текстах реализация остранения разная. Так, в мемуарах может превалировать абстракция (преимущественно диахроническая), рефлексия, в квазибиографиях – объективизация, ирония, самокритика, эвфемизация, в псевдобиографиях – критика, юмор, эпатаж, идеологические цели (как у соцреалистов), эклектическое смешение разных коммуникативных жанров во внутренней речи героя (вспомним ещё, например, макаронические напластования слов разных языков в «Заводном апельсине» Э.Бёрджесса, «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера, «Побеге куманики» Л.Элтанг).

Разумеется, семантические поля текста с частым остранением характеризуются и более узкими функциями остранения, но перечисленные наиболее стилистически маркированы и потому не должны теряться в переводе. Остранение будет рассмотрено

в дальнейшем как универсальный инвариант, требующий сохранения и точной передачи в языке перевода.

Термин Шкловского, с точки зрения Оге А. Ханзена-Лёве, концентрирует в себе требование новизны, которое находит свое наиболее радикальное, если не драматичное воплощение в парадигме модернизма. Почему сейчас русские исследователи, занимающиеся сопоставительной лингвистикой, опять обратились к идеям столетней давности? Можно предположить, что остранение вновь выходит на авансцену благодаря возросшей мобильности населения и большому количеству добровольных экспатов, у которых одно культуральное состояние, по терминологии Ж. Дерриды, ещё не сменилось другим. Этот период определен французским антропологом-позитивистом Арнольдом ван Генепом как лиминальность. Потенциал нового веяния в литературе задан ситуацией неопределенности, амбивалентности и размытой социальностью, стимулирующей энергичный поиск новой фундаментальной общности. Это мысль антрополога Виктора Тёрнера, который выделяет три стадии ритуала перехода, для нас особенно интересна вторая («период некоторого переходного состояния»), соответствующая игре с остраненными смыслами в концепции русского формализма.

Говоря об остранении у израильских прозаиков, нужно помнить, что история литературы на современном иврите насчитывает менее ста лет, а история государства - немногим более семидесяти, практически все так называемые «светские» граждане Израиля – израильтяне в первом, втором, третьем поколении, пусть даже в четвертом, они все равно своеобразные экспаты, поскольку не так давно вернулись на родину историческую из стран рассеяния, культурные рамки которых из сознания и поведенческих привычек быстро не изжить. Крупные израильские писатели, у которых предки были из разных стран, отстранённо говорят не только о странах проживания своих родных, но и об Израиле; можно заключить, что полной аккультурации ещё не случилось. Посмотрим некоторые моменты остранения у маленьких героев-рассказчиков по отношению к местам на примерах переводов нескольких значительных романов последнего времени. В них «я» рассказчика не стало ещё сопричастным общей ментальности сабр, как в Израиле называют местных, родившихся на территории Израиля и не ведающих сомнений по поводу национальной и культурной самоидентификации.

Меир Шалев, «Русский роман» 1988г. (перевод Р.Нудельмана и А.Фурман 2006г.) - квазиавтобиография:

Все они — так объяснял мне дедушка — родились в далекой стране Украине, нелегально перешли границу и взошли в Страну много лет назад. Некоторые ехали на телегах мужиков — ещё одно непонятное слово, — медленно пробираясь среди глубоких снегов и диких яблонь, вдоль скалистых берегов и солёных пустынных озёр, одолевая лысые холмы и песчаные бури. Другие летели верхом на белых северных гусях, крылья которых были в ширину «как от конца нашего сеновала до птичника», летели и кричали от восторга над широкими полями Украины и высоко над Черным морем. Третьи произносили тайные слова, которые «вихрем переносили их» в Страну Израиля, все еще разгорячённых и с зажмуренными от страха глазами.

Украина и Израиль воспринимаются со сказочной перспективы, моменты забывания реалий местечкового сельского быта у младшего поколения описываемой семьи будут сохраняться на протяжении всего романа. «Взошли в Страну» - калька ивритского выражения, сознательно переведённого именно так, поскольку так и говорят русскоязычные израильтяне и экспаты, вновь вернувшиеся в Россию. Так говорят на иврите - в другие страны человек может переехать (לעבור), или спуститься – לרדת, а в Израиль можно только подняться или взойти (לעלות). Это выражение, как и именование Израиля Страной содержат остранение для русского читателя романа.

Амос Оз, «Повесть о любви и тьме» 2002г. (перевод В.Радучкого 2005г.) - псевдоавтобиография:

Всё, что простиралось за пределами нашего маленького мирка и звучало для меня как одно слово — весь мир, называлось у нас обычно большой мир. Но были у него и другие имена: просвещённый, внешний, свободный, лицемерный <...> Весь мир был далёким, манящим, волшебным, но полным опасностей и враждебным нам: евреев не любят — потому что они умны, остры на язык, потому что они преуспевают, но также и потому, что они шумны и, главное, рвутся быть впереди всех. Не нравится и то, что мы делаем здесь, в Эрец-Исраэль: уж больно глаза у людей завидушие — им не даёт покоя даже этот клочок земли, где нет ничего, кроме болот, скал и пустыни. Там, в большом мире, все стены были покрыты подстрекательскими надписями: «Жи́ды, убирайтесь в Палестину!» Вот мы и прибыли в Палестину, и теперь весь мир поднялся и орёт: «Жи́ды, убирайтесь из Палестины!» Не только весь мир, но даже Эрец-Исраэль была далека от нас: где-то там, за горами, формируется новая порода евреев-героев, порода загорелых, крепких, молчаливых, деловых людей, совсем не похожих на евреев, живших в диаспоре, совсем не похожих на обитателей квартала Керем Авраам.

И здесь опять восприятие ребенком мира через призму своих фантазий и страхов будет реализовываться впредь в сознании уже выросшего героя. Название страны «Эрец-Исраэль» дано в транскрипции, что создает ощущение остранения у читателя. А название Израи́ля Палестиной чужеродно для самого рассказчика.

Рав Ицхак Зильбер, «Чтобы ты остался евреем» 2008г., издание 2-е, исправленное и дополненное автором – воспоминания:

Приехали мы во вторник, а в субботу иду я по улице и вижу: кто-то подходит к машине и собирается ехать. Я ему говорю:

- Слиха, а-йом шабат! (Простите, сегодня суббота!)

А он мне:

- Аз ма? (Ну и что?)

Я допускал, что кто-то дома нарушает шабат, курит, но на улице?! Мне захотелось, поверьте, бежать в посольство и ехать назад в Россию.

Сердце говорит: «Бежать!» А разум: «Ты в Эрец-Исраэль».

И разум победил.

<...>

Я новый человек, и Рабинович говорит:

- Он из России, он и там старался в субботу не работать и выполнял, что мог.

Реб Исроэль Алтер быстро подает мне руку и говорит:

- Слушай! Как ты вел себя там, веди себя и тут, ни капли не изменяй! Ты слышишь?

Я удивился: что значит «как там, так и тут»? Это же Израиль! Здесь все должно быть по-другому! В сто раз лучше и сильнее!

Только потом я понял, насколько было глубоко сказано!

Рав Зильбер попадает в Израиль уже взрослым, сформировавшимся человеком, раввинов, и, тем не менее, моменты остранения выражены с детской наивностью и протодушным неприятием самой ситуации.

В приведенных примерах, особенно в последнем, где приводится диалог на иврите в русской транскрипции и его автоперевод, налицо освоение Израи́ля как своей новой родины, о чем свидетельствуют приводимые названия, однако механизм психологической защиты, известный как отрицание (существования недостатков у идеализируемого образа Родины), тоже имеет место быть. Поскольку переводчиком выступает сам р.Ицхак Зильбер, остранение явлено так, как и прочувствовал его автор-рассказчик.

Автоперевод – редкий случай в практике перевода, в остальных случаях перевода произведений автобиографического характера перед переводчиком стоит задача

идентифицировать остранение и сохранить его без нейтрализации и без чрезмерного количества заимствований. Приведённые здесь примеры показывают только частный случай функционирования остранения в качестве денотации места жительства, в дальнейшем предполагается рассмотреть и распределить по смысловым и грамматическим категориям другие выявленные случаи остранения как в оригинале произведения автобиографического характера, так и в различных его переводах.